

Некоторая путаница в географических названиях не смущает сказителя, она, пожалуй, выступает как необходимое условие сказочного повествования; рассказчик легко оперирует топонимами, сводя в одну разные реки, называя страну *городом* и т. п.

Таким образом, топонимическая лексика наряду с диалектными и фольклорными словами наиболее тесно связана с фактором пространственной распределенности и вследствие этого является прямым доказательством территориальной маркированности сказочного мегатекста.

Афанасьев — Народные русские сказки А. Н. Афанасьева : в 3 т. М., 1984–1985.
Белкин Ф. Сказки, записанные в Тимском уезде // Тр. Курск. губ. стат. ком. Курск, 1863. Вып. 1. С. 518–542.

Бобунова М. А. Лексикографический комплекс фольклорных текстов. Песни Курской губернии. Курск, 2019.

Новиков Ю. А. Местный колорит в былинах олонекских сказителей // Кижский вестн. 2004. Вып. 9. URL: <http://kizhi.karelia.ru/library/vestnik-9/322.html>.

Праведников С. П. Основы фольклорной диалектологии. Курск, 2010.

DOI 10.31168/7996-2700-3.100

И. С. Просвирнина, Мэнцзянь Цзя

Уральский федеральный университет
Екатеринбург, Россия
prosvirniny@mail.ru

Оппозиция «трудный — простой» в русских и китайских толковых словарях

Предмет исследования — развитие значений лексем *трудный* и *простой* (в рамках изучения оппозиций со значением меры), формирование современных антонимических пар (комплексов) и сопоставление этих элементов языковой картины мира в русской и китайской лингвокультурах.

В «Толковом словаре живого великорусского языка» В. И. Даля *труд* (среди прочих толкований) — ‘все, что требует усилий, старанья и заботы; всякое напряженье телесных или умственных сил; все,

что утомляет», соответственно, *трудный* — ‘тяжкий, удручающий’; а также ‘мудреный, недостижимый; удрученный, отягченный’ [Даль, 4, 436–437]. По материалам русских толковых словарей [БТСРЯ; Волин, Ушаков; Дмитриев; Ожегов] *трудный* имеет от трех до пяти значений. В целом словари разделяют и противопоставляют в различных дефинициях со-значения: ‘требующий труда (усилий)’ — исходное значение лексемы *трудный*; ‘тяжелый, затрудняющий’ (обычно о неприятной ситуации); ‘доставляющий трудности’ (обычно о человеке / ребенке, его свойствах).

В этимологическом словаре китайского языка «Происхождение китайских иероглифов» [说文解字, (东汉)许慎编] «трудный» 难 (нань) объясняется с помощью описания частей иероглифа, создающих образную основу: «птица, которая была поймана»; первоначально «трудный» — ‘зажатый, затрудненный, ограниченный в свободе передвижения (птицы)’. По материалам китайских словарей [现代汉语词典; 汉语大词典] 难 (нань) — это прежде всего прилагательное, которое обозначает трудности субъекта как в физическом передвижении, так и в интеллектуальном освоении, а также и в душевном состоянии: 难句 ‘трудная фраза, трудное для понимания место в тексте’, 难过 ‘тяжело на душе’. Эти значения объединены семантикой несвободы, стеснения и противопоставлены второму значению прилагательного — ‘неприятный, грубый, некультурный, причиняющий трудности, мучительный, тягостный’, где субъект речи подвергается воздействию другого субъекта.

В качестве глагола лексема 难 (нань) обозначает ‘считать трудным, затрудняться; чувствовать затруднения’, ‘относиться с опаской; бояться’. Развитие значения от ‘быть стесненным’ до ‘бояться’ хорошо иллюстрируется русским переводом прецедентного изречения о чюньци (одно из ключевых понятий традиционной китайской культуры, условно по-английски: ‘джентльмен’; условно по-русски: ‘благородный, порядочный человек’): «Чюньци — почтителен, но не боится (= ‘не затрудняется в отношениях с властью’); спокоен, но не успокоился; скромн, но не льстит; снисходителен, но не потворствует; умен, но не расхлябан в учебе; прямодушен, но не действует наобум».

Информацию о развитии значения лексемы *простой* находим в словаре В. И. Даля [3, 512–514]. Многие из дериватов и их значений не активны или отсутствуют в современном русском языке, однако демонстрируют модели развития семантики и разнообразие

дифференциальных сем. Для В. И. Даля первое (исходное, основное) значение слова *простой* — ‘пустой, порожний’ (о посуде, о кошельке, любом вместилище). Далее, судя по контекстам и комментариям, семантика развивается до ‘опустевший, освобожденный, свободный’ (место / амбар, время) и ‘незанятый’ (человек). Так, русская поговорка *Шей да пори, не будет простой поры* раскрывает первое значение: ‘если все время исправлять плохо сделанное, то и свободного времени не будет’. Однако оно наименее сохранно в современном русском языке. Активными остаются значения ‘прямой’, ‘обыкновенный, не сложный’, ‘без украшений, без затей’, ‘нетрудный’, ‘нехитрый, неумный’, ‘не аристократичный’, ‘живущий по христианскому завету’.

В контекстах из Евангелия от Матфея *простой* приводится в положительном значении — ‘прямой, честный, вольный’ (соответствующий заповедям Христовым). С другой стороны, в народных контекстах *простой* сближается с *глупый* по модели *пустая посудина — пустая голова*. Эта модель есть и в китайском языке, где аналог *пустой головы* — «живот без туши» («живот» здесь — ‘вместилище, посудина’, которая наполняется знаниями, а знания записаны тушью).

В семантике глагола *простить* исходная сема ‘пустой’ проявляется в значениях ‘освободить, опустошить, опростать, отпустить кому-л. провинность, снять обязательство, освободить от кары, от взыскания; примириться сердцем, не питая вражды за обиду’.

В упомянутых выше китайских словарях этимологическое значение «простой» 易 (и) толкуется как «солнце и луна сменяют друг друга», где верхняя часть иероглифа 易 (и) — «солнце», нижняя — «луна», общее значение — ‘менять, меняться’. Значение ‘простой’ осмысливается как ‘сущностный, очевидный’. Смена дня и ночи — суть вещей, аксиома философии.

В современном китайском языке прилагательное со значением меры трудности 易 (и) имеет значение ‘простой’ применительно как к абстрактным понятиям («простой вопрос»), так и к реальным предметам («простое, простецкое жилье»). Значение ‘спокойный, общительный’ (о любом человеке и о демократичном правителе) также не требует пояснения для носителя русского языка. А вот глагольная семантика ‘пренебрегать; игнорировать; смотреть свысока; третировать; небрежно обращаться’ для русских неочевидна и нуждается в пояснении модели переноса и анализе контекста, например 人之易其言也, 无责耳矣 «Если

люди (слишком) просто относятся к своим речам (= пренебрегают ими), то это только потому, что они не несут ответственности (за них)».

БТСРЯ — Большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб., 1998.

Волин Б. М., Ушаков Д. Н. Толковый словарь русского языка. М., 1993.

Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. М., 1994.

Дмитриев — Толковый словарь русского языка / под ред. Д. Дмитриева. М., 2003.

Ожегов — Толковый словарь русского языка / под ред. С. И. Ожегова. М., 2011.

汉语大词典 [Большой словарь китайского языка]. Пекин, 1997.

现代汉语词典 [Словарь современного китайского языка]. Пекин, 2012.

说文解字 [Происхождение китайских иероглифов]. Шанхай, 1988.

DOI 10.31168/7996-2700-3.101

А. Л. Пустяков

Хельсинкский университет

Хельсинки, Финляндия

esmenek@gmail.com

О русских личных именах волжских марийцев в XVII в.

В докладе на основе данных переписной книги Галицкой дороги 1678 г. рассматриваются личные имена волжских марийцев, заимствованные из русского языка. Как известно по данным памятников деловой письменности, в XVII в. антропонимикон некрещеных луговых марийцев был представлен преимущественно именами, заимствованными из тюркских языков [см., например: Pustyakov, 2018, 180–183]. Распространение русских христианских имен у марийцев обычно связывается с началом массовой христианизации народа, приходящимся на XVIII в. Однако антропонимикон волжских марийцев демонстрирует довольно сильное влияние русских имен уже в XVII в.

Переписная книга Галицкой дороги представляет особый интерес для изучения имен марийцев, так как является одним из наиболее подробных памятников деловой письменности по данной территории. Галицкая дорога в ее границах соотносится с современной территорией Волжского, восточной половиной Звениговского, южной и западной